

ЭКОНОМИКА

Г. А. Родина

Директор Ярославского филиала ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»,
доктор экономических наук

Новая модель развития России: с чего начать?

«Чтобы человек не сделал больше зла, чем добра, в своих попытках улучшить социальный порядок... он должен применять такое знание, которое может постичь: не изготавливая его результаты по заданному образцу, подобно тому, как ремесленник создаёт своё изделие, а скорее культивируя его рост путём формирования подходящей среды, подобно тому, как это делает садовник для своих растений».

(Ф.А. фон Хайек)

Статья посвящена анализу актуальной для России реформы как продолжения преобразовательной деятельности, учитывающей, с одной стороны, реалии современного отечественного хозяйства, менталитет и социокультурные традиции населения, а с другой стороны, – ориентиры нового мирохозяйственного устройства. Мы считаем отправным пунктом анализа современного общества понятие «технология». Любая прогрессивная технология должна «обрасти», с одной стороны, механизмом, обеспечивающим её стабильность и общие условия воспроизводства; с другой стороны, - механизмом индивидуальной приспособляемости к инновациям. Первый механизм представляет собой нормативную базу социально значимой деятельности, определяющей сущность конкретной цивилизации, фиксирующей в экономических системах, возникающих на базе однотипных технологий, нечто общее. Вторым механизмом, отражающим индивидуальное начало каждого социума, его нормы поведения, правила жизни, традиции и привычки, духовные ценности, его историческую судьбу, является культура. Ответственность за успех перехода к новой цивилизационной модели несёт культурное ядро. На основе анализа исторического опыта развития России сделан вывод о перспективах её инновационного развития и намечен путь «запуска» механизмов инновационного переустройства общества.

Ключевые слова: цивилизация, культура, культурное ядро, инновационная модель модернизации.

Нам показалась весьма привлекательной идея конференции "Образ будущего: традиция, реальность, мечта" как описание социально-экономической модели близкого будущего, гармоничного общества.

Тем самым задаётся настрой на поиск позитивного стержня краткосрочного развития в виде некоей гармоничной модели, пророщенной из национальных корней (лучших, надо полагать) и мечтаний о

светлом будущем (которые тоже, очевидно, есть продолжение традиций). Причём этот симбиоз должен учитывать реалии текущего момента, что, наверное, и обеспечит желанную гармонию.

Но разве мы впервые сталкиваемся с подобной задачей с момента «коренного перехода на рыночный курс»? И существует ли реальный социальный запрос на этот симбиоз в нашей сегодняшней действительности?

Не уподобляемся ли мы хайкековскому ремесленнику, изобретая новую, гармоничную, модель социально-экономического развития России?

Да, образ будущего мира определяется учёными, ибо политики пользуются моделями, разработанными наукой. Но разве в сегодняшней России политика не преобладает над экономикой? Разве экономические проблемы не обсуждаются только в академических и научных аудиториях, а во всех других местах говорится о политической воле?

Оценивая двадцатипятилетие российских реформ, следует признать, что после утраты количества экономика столкнулась с утратой качества экономического роста. В итоге даже положительный темп прироста ВВП обернулся проблемой подлинности экономического роста. Это чревато призраком застоя на фоне примитивизации научно-технического потенциала и структурного загнивания.

На протяжении последней четверти века обществоведы не раз предлагали образ будущего России. Сначала, в середине 80-х годов прошлого столетия, он ассоциировался с «радикальной рыночной реформой», предлагавшей соединить социалистический выбор советского народа с усечённым рынком. В конце того же десятилетия, когда стало ясно, что такой симбиоз в конкретно-историческом исполнении нежизнеспособен (политэкономы были уверены в этом раньше), пришлось де-факто отказаться от «исторического выбора советского народа», узаконив рынок во всех его ипостасях. До общественного мнения эта идея была донесена программой Явлинского-Шаталова «500 дней», которая практического

воплощения не получила, но сыграла известную просветительскую роль.

Позднее модели будущего стали замещаться различными Стратегиями и Программами типа «четырёх И», от которых в итоге оставили одну «И» (инновацию). Переход России к инновационному типу экономического роста можно считать политически решённым почти десять лет назад – ещё с речи президента В.В. Путина на Госсовете в феврале 2008 года. В ноябре 2009 года президентом Д.А. Медведевым в его послании парламентскому собранию была выдвинута задача модернизации страны, которую В.В. Путин дополнил в 2011 году задачей новой индустриализации. Все стали заниматься путями перехода к инновационной экономике, что постепенно трансформировалось в задачу новой модернизации и неоиндустриализации (разумеется, на инновационной основе).

Терминология может быть разной, – суть одна: под *инновационной моделью модернизации* реально понимается реформа как продолжение преобразовательной деятельности, учитывающей, с одной стороны, реалии современного отечественного хозяйства, менталитет и социокультурные традиции населения, а с другой стороны, – ориентиры нового мирохозяйственного устройства.

Единого понимания сущности современной российской модернизации нет. Близкие к властным структурам слои усматривают в ней возможность получения недорогого целевого финансирования под ряд проектов или единичную замену «не совсем правильных» аппаратчиков на «совсем правильных», т.е. представляющих интересы определённых группировок. Серьёзные исследователи видят в ней программу преодоления экономического и технологического отставания России от стандартов развитых стран, не сводя её к копированию чужих образцов (чреватых, к слову сказать, симптомами демодернизации) и диффузии современных технологий (зачем развивать технологии, если общество не в состоянии воспроизводить и использовать их во благо? Так, новейшее высокоточное оружие в руках плохо управляемой, плохо обученной и морально разложившейся армии – скорее угроза, нежели предмет гордости).

Проектному варианту модернизации (Сколково, нанотехнологии) мы предпочитаем институциональный, направленный на изменение среды. Главное – сформировать базовые социальные институты, образующие инфраструктурный костяк современного общества. «На выходе» модернизация должна обеспечить полноценную социализацию человека.

Объект модернизации – разрушенный (под видом и в процессе демонтажа плановой экономики) и отсталый, т.е. не способный ответить на вызовы XXI века, каркас хозяйственного устройства России.

Субъект модернизации – долгое время надежды связывались с отечественным средним классом. Сегодня эти надежды похоронены, но и другие группы в качестве модернизационного мотора тоже не просматриваются. Ясно лишь, что это должны быть обладатели «длинного видения», однако по данным «Левада-центра», количество людей, которые на десятилетие вперёд смотрят, в России за последнее десятилетие сократилось. Разговоры о будущем свелись к обсуждению настоящего с небольшими вариациями. Вместо проработки будущего с точки зрения стратегической проектности – беспроектность. Иными словами, *остро стоит вопрос о спросе на модернизацию*. Он сопряжён с периодами возникновения общих угроз, с одной стороны, и общих возможностей, – с другой. Например, угрозы исключения из серьёзных схем, сулящих успех в перспективе в масштабе мировой экономики.

Экономические программы нацелены на реализацию этого проекта, исходя из экономических (реже – социально-экономических) возможностей. Вместе с тем ещё со времён В. Зомбарта и М. Вебера известно, что решающую роль в серьёзных общественных трансформациях играет некий дух, принципы предпринимательской этики (сегодня уместнее использовать термин «система ценностей»), принимаемые или отвергаемые обществом. Попробуем взглянуть на проблему инновационных перспектив отечественной экономики через призму социокультурной динамики России.

Мы считаем отправным пунктом анализа современного общества понятие

«технология», значение которого впервые наметил ещё Аристотель, выделив две составные части: технику и определённое искусство, навык, знание. Технология, таким образом, охватывает как инструментальную систему (инструменты, машины, технические и транспортные коммуникации, т.е. технику), так и систему деятельности, детерминированную этой инструментальной системой, систему управления соответствующей деятельностью, совокупность социальных и экономических последствий, био- и социо-экологическое окружение, информационную среду, в которой эта деятельность осуществляется.

Если ключевым понятием технологии считать её техническую составляющую, то для анализа эволюции современных социально-экономических систем вполне можно воспользоваться историческим материализмом.

Основной гносеологический принцип марксистской философии о первичности материи и вторичности сознания конкретизируется в нашем исследовании в признании первичности общественного бытия и вторичности общественного сознания. Общественное бытие выступает как совокупность материальных общественных процессов, существующих независимо от воли и сознания индивида или общества в целом, а общественное сознание является отражением общественного бытия. Из сложной совокупности общественных явлений исторический материализм выделяет материальные отношения на том основании, что люди, прежде чем заниматься наукой, политикой, философией, религией и т.п., должны есть, пить, одеваться, иметь жилище и т.д. Эти материальные отношения составляют вещественную сторону производительных сил, традиционно отождествляемых с техникой (см., например, философский энциклопедический словарь).

Тогда программа инновационного развития России (как, впрочем, любой другой страны) высвечивается либо через создание внутренних экономических условий для стимулирования научных открытий и их внедрения в производство, в основном, через адекватное совершенствование отношений собственности на средства производства;

либо через заимствование передовой западной техники, чтобы возникли современные производительные силы, что практически автоматически обеспечит формирование прогрессивных производственных отношений, гарантирующих ускоренное развитие способа производства. В принципе, достаточно «разрешить» рыночную экономику, пересадить в неё образцы западной техники, как всё «само собой» образуется. Как ни странно, исходный тезис рыночников-радикалов вполне вписывается в марксистскую методологию.

Если ключевым понятием технологии считать особый технологический менталитет и информационные ресурсы общества, то проблема перехода к инновационному развитию осложняется обратной связью между общественным сознанием и общественным бытием, проанализировать которую в рамках исторического материализма представляется весьма затруднительным.

Какая бы технология, – аграрно-ремесленная, индустриальная, постиндустриальная (инновационно-индустриальная, информационная или информационно-индустриальная – терминологическая дискуссия не завершена), – не квалифицировалась как прогрессивная для того или иного состояния развития общества, она должна «обрасти», с одной стороны, механизмом, обеспечивающим её стабильность и общие условия воспроизводства; с другой стороны, механизмом индивидуальной приспособляемости к инновациям.

Первый механизм представляет собой нормативную базу социально значимой деятельности, определяющей сущность конкретной *цивилизации*. Последнюю мы трактуем как *способ взаимодействия носителей разума с окружающей средой*.

Стержнем любой цивилизации считается экономическая (хозяйственная) система. Социально-экономические системы – сложные динамические организации, функционирующие по своим собственным законам, взаимодействующие с внешней средой. По отношению к среде система выступает как единое структурное образование – с едиными интересами, общей

целью, единой стратегией поведения на пути к этой цели. Содержание и характер системы определяют множество целей и функций, посредством которых достигается внутренняя стабильность системы, обеспечивается её выживание и динамическое развитие. В экономической теории сущность экономической системы принято сводить к специфическому способу, которым общество решает основные проблемы экономической организации: что, как и для кого производить.

Цивилизация призвана обеспечить оптимальные условия для развития системы определённых технологий, фиксируя в экономических системах, возникающих на базе однотипных технологий, нечто *общее*. Если ограничиться этим общим, можно скатиться к технологическому детерминизму, чем, как известно, «грешит» ортодоксальный институционализм.

Вторым механизмом, отражающим *индивидуальное* начало каждого социума, его нормы поведения, правила жизни, традиции и привычки, духовные ценности, наконец, его историческую судьбу, является *культура*. Культура – это своеобразная «невидимая рука», которая неуклонно и таинственно для непосвящённых неким образом воздействует на общественную жизнь и поведение людей, трансформируя их по присущим только ей образцам и моделям. Культура является саморегулятором жизненного мира людей, проявлений их жизненных сил, *«выработкой человека и человеческого общежития»*, по выражению В.О. Ключевского. Иначе, культура есть собственно человеческое в цивилизации. Иногда говорят, что она является кодом цивилизации, т.е. позволяет «открыть» для человека его собственные возможности, без чего невозможно «очеловечить» тот или иной тип цивилизации.

Если понятие «цивилизация» определяет уровень и результат поступательного развития общества, то «культура» выражает механизмы и процессы освоения этого уровня и достигнутого результата. Культуру можно связывать с самоорганизацией духа, миром духовности, а цивилизацию – с гражданским, общественным устроением нашей жизни. Цивилизация устраивает нашу жизнь, делает

её удобной, приятной. Культура «ответственна» за другое – постоянную неудовлетворённость достигнутым, поиск достойного для души, а не одного только тела. Человек культуры – душевно-духовное существо, человек цивилизации – целерациональное существо.

В методологии цивилизационного подхода существует гипотеза «цивилизационных разломов», в результате которых возникшие «перепады» между «сгустками специфической социальности» рождают «завихрения» исторического процесса. Процесс перемещения культурных ценностей от одной цивилизации к другой называют «культурной диффузией». Этот феномен определяет направление развития цивилизации [3]. Вместе с тем культурные особенности и различия менее подвержены изменениям, чем экономические и политические; вследствие этого их сложнее разрешить либо свести к компромиссу. В России бывшие коммунисты могут стать демократами, богатые превратиться в бедных, а бедняки – в богачей, но русские при всём желании не смогут стать эстонцами, а азербайджанцы – армянами. Религия разделяет людей ещё более резко, чем этническая принадлежность. Человек может быть полуфранцузом и полугарабом и даже гражданином обеих этих стран. Куда сложнее быть полукатоликом и полумусульманином.

Цивилизационный подход во многом переключается с представлением об обществе как о развитии (эволюции) сложных саморазвивающихся социальных систем, а процесс перехода к новой цивилизационной модели здесь – момент утери целостности и устойчивости данной системы и процесс приобретения новой устойчивости. Этот процесс можно охарактеризовать как «созидательное разрушение», позаимствовав данный термин у Й. Шумпетера. Автор применил это понятие к характеристике инноваций в работе 1942 г. «Капитализм, социализм и демократия». Однако уместно вспомнить, что понятие «инновации» ввели вовсе не экономисты или политики, а культурологи в XIX веке для обозначения процесса внедрения элементов одной культуры в другую культуру.

Ответственность за успех перехода к новой цивилизационной модели несёт культурное ядро (точнее культурно-духовно-религиозное ядро, или матрица), вырабатываемое веками, гарантирующее самоидентичность социума и определяющее способ реагирования общества на инновации. Культурное ядро может позволить (и даже обеспечить) адаптироваться к новым условиям, а может и заблокировать этот процесс, если система защиты от трансформации сильнее воздействия со стороны внешней культурной среды. В качестве аналогии напрашивается одна из гипотез вымирания древних рептилий. Почему вымерли гигантские ящурки? Похолодание климата вызвало утолщение стенок яиц в качестве защитной реакции от вымерзания зародыша. Однако птенцам оказалось не под силу взломать более толстую скорлупу.

Таким образом, традиционная трактовка (культура народа складывается и функционирует в зависимости, прежде всего, от экономических и политических обстоятельств), переживает парадигмальный поворот, который в математической формулировке будет выглядеть так: от формулы $K = f(\text{Э}, \text{П})$ мы переходим к формуле $\text{ЭП} = f(K)$ (где K – культура; Э – экономика; П – политика; f – функция, указывающая на характер взаимозависимости указанных величин). Культура, раз сформировавшись, начинает выступать как относительно независимая переменная среди факторов социальной жизни. Эталоны оценок тех или иных ценностей являются, с одной стороны, социальный опыт, а с другой, видимо, архетипы* данной культуры, сформировавшиеся в период выживания этноса, народа, рода и т.д. Ныне систему архетипов можно охарактеризовать как иммунную систему, защитный слой

* *Архетип* – в позднеантичной философии прообраз, идея; по К.Г. Юнгу – изначальные, врождённые психические структуры, образы, составляющие содержание коллективного бессознательного и лежащие в основе общечеловеческой символики сновидений, сказок и других созданий фантазии, в т.ч. художественной.

конкретной культуры, сохраняющий её самобытность, определяющую национальную идентичность.

Вместе с тем само понятие «национальной идентичности» не может не претерпеть изменений в условиях информационной экономики. В связи с этим следует сформулировать проблему выяснения и установления баланса между старыми и новыми типами идентичности. Современный человек, как не без иронии замечает Д.Н. Песков, «окутан аурой множественных лояльностей, «ведущих» постоянные «переговоры» по его поводу и «закрывающих» свои «соглашения». Индивид *проживает в США* (мотивация - комфорт), *является гражданином Кубы* (мотивация - регрессивная шкала налогообложения), *работает в ТНК* (мотивация - величина зарплаты), *исповедует одну из сетевых религий* (мотивация - снижение издержек на онлайн-исповедь), *участвует в социальных и гуманитарных программах России* (мотивация - ностальгия по родине), *голосует на выборах в панамериканский парламент за левых* (мотивация — принадлежность к Интернет-партии), *а на выборах в «ООН-штрих» - против реализации Киотского протокола* (мотивация - желание ТНК-работодателя), *его дети учатся в гражданской школе*

хакеров в Японии (мотивация — обеспеченное будущее детей), *наконец, мощности его домашнего компьютера используются для распределенного вычисления эффективности новых лекарств против СПИДа* (мотивация - благотворительность или желание выжить). И при этом правительство отслеживает абсолютно все передвижения индивида по Интернету, в т.ч. и покупки на сумму свыше 500 долл. США...» [6, с. 54-55.]

Культурологические идеалы западного типа восходят к полисной (городской) организации власти в Древней Греции, предполагавшей обязательность участия граждан в решении общих вопросов, а также к римскому праву, утвердившему гражданский суверенитет личности. Огромное влияние на их содержание оказали и религиозные ценности христианства, прежде всего протестантской и католической его ветвей. Специфика же восточных норм и традиций коренится в особенностях жизнедеятельности общинных структур аграрного азиатского общества, формировавшихся под воздействием ценностей арабо-мусульманской, конфуцианской и индо-буддийской культур.

Наиболее существенные различия этих ценностных ориентаций граждан в жизни общества проявляются в следующем:

Запад	Восток
<ol style="list-style-type: none"> 1. Власть может покоиться на физическом, духовном или ином превосходстве человека над человеком. 2. Политика – разновидность конфликтной социальной деятельности, которая строится на принципах честной игры и равенства граждан перед законом. 3. Признание индивида главным субъектом и источником политики, отношение к государству как к институту, зависимому от гражданского общества, гаранту прав и свобод личности. 4. Предпочтение личностью множественности форм политической жизни, состязательного типа участия во власти, плюрализма и демократии; предпочтение усложненной организации власти (наличие партий, групп давления) 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Божественное происхождение власти, не связанное ни с какими человеческими достоинствами. 2. Политика – подвижническая, недоступная всем деятельность, подчиненная кодексу поведения героев и принципам божественного правления. 3. Признание главенствующей роли в политике элит и государства, предпочтение патроната государства над личностью; признание приоритета над личностью руководителей общин, сообществ, групп; доминирование ценностей корпоративизма. 4. Предпочтение личностью исполнительских функций в политической жизни и коллективных форм политического участия, лишенных индивидуальной ответственности;

<p>и т.д.).</p> <p>5. Примат общегосударственных законов (кодифицированного права) над частными нормами и правилами поведения.</p>	<p>тяготение к авторитарному типу правления, упрощенным формам организации власти, поиску харизматического лидера.</p> <p>5. Приоритет местных правил и обычаев (местного права) над формальными установлениями государства.</p>
--	--

Эти ценности весьма устойчивы, и даже перестройка политических институтов по образцам одного типа культуры не может порой поколебать устойчивость отдельных ценностей прежней культуры. К примеру, в Индии, где в наследство от колониального владычества Великобритании страна получила достаточно развитую партийную систему, парламентские институты и проч., по-прежнему доминируют архетипы восточного менталитета. Поэтому на выборах главную роль играют не партийные программы, а мнения деревенских старост, князей (глав аристократических родов), руководителей религиозных общин и т.д. С другой стороны, повышенный интерес к религиям и образу жизни на Востоке в ряде западноевропейских стран никак не сказался на изменении параметров западной политической культуры.

Правда, в отдельных государствах все-таки сформировался некий синтез западно-восточных ценностей, например, в Японии. Сохраняя самоидентичность, японская культура продемонстрировала способность к культурным трансформациям. Однако в современных условиях страны «рисовой культуры» вновь оказались перед выбором. С одной стороны, их потенциальные возможности инновационного развития оцениваются весьма высоко благодаря культуре образования, характерному для региона Юго-Восточной Азии. Однако с другой стороны, их переход на производство собственной высокотехнологичной продукции проблематичен вследствие сдержанного отношения в странах конфуцианских традиций к оригинальному, нестандартному, индивидуальному мышлению и поведению (востоковеды обращают внимание на «неприличность индивидуальности» как составной части данной культуры).

Что касается опыта исторического развития России, то он складывался в условиях «пограничности» между Европой и

Азией (Западом и Востоком), между оседлостью и кочевничеством. Данная «пограничность» чревата либо предельным синтезом несоединимых крайностей («всеединство»), либо предельной поляризацией целого, т.е. драматическим расколом, непримиримой конфронтацией смысловых полюсов, что придаёт самому менталитету устойчивое качество «смысловой неопределённости» [4, с. 542.]. Какую же мудрость излучает Космос России, - спрашивает Г. Гачев. «Россия – «мать-сыра земля», то есть «вода-земля» по составу стихий. И она – «бесконечный простор». Беспредельность – аморфность» [2, с. 206.].

Отсюда и знаменитый русский «авось», означающий в конечном счёте надежду на стихийное стечение обстоятельств, в результате которого все проблемы разрешатся как бы сами собой, и традиционная вера в чудо, в неизменность традиций, в благость природы, в величие государства, подчиняющего себе личность, и апология жертвенной любви и долготерпения. Недаром существует поговорка: «Хочешь получить невозможный продукт – закажи русскому».

Это обуславливает *маскирующийся* характер российской культуры, воспринимающей внешние влияния (одежда, манеры, танцы, кофе, французский язык) на фоне сохранения почти неизменной традиционной сущности (отрицание нового и в технологии власти, и в торговле, и в личных взаимоотношениях). Петровский наказ – взять у Запада технику и науку для укрепления военной мощи, а затем «повернуться к Европе задницей» – весьма красноречив.

Другая особенность архитектоники российской цивилизации – тоже следствие её «пограничности» – *бинарность*: система сдержек и противовесов, рождающая конструкцию «взаимоупора». Последний, соединяя противоположности в

«невозможное единство», постоянно держит общество на грани срыва, а нередко и взрыва. Каждая интенция в культурах бинарного типа уравновешена своей противоположностью, без которой не имеет смысла, как показал Ю. Лотман [5].

Несмотря на это, подобное силовое равновесие противоположностей непрочно; оно сменяется культурным взрывом, разрушающим *status quo* ценностно-смысловой системы и социальную организацию цивилизации. Это свидетельствует о её социодинамической напряжённости, поддерживающей в культуре установку на ожидание внезапных и резких перемен, готовность к предстоящей ломке образа жизни и мировоззрения. Склонность русской культуры и российской цивилизации к взрывным ситуациям и состояниям подтверждена событиями последнего десятилетия прошлого века.

Социокультурные основания сегодняшней России *коммунитарны* (*ценности* восходят к общинному коллективизму и обуславливают приоритет групповой справедливости перед принципами индивидуальной свободы личности, а в конечном счете, — доминирование государства в регулировании общественной жизни над механизмами самоорганизации общества). Отчасти это обусловлено советским прошлым, когда в ходе противостояния капиталистическому Западу СССР апеллировал к «пробуждающемуся» от колониального гнёта и традиций азиатского феодализма Востоку и всё более проникался идеями и принципами восточных культур, господствовавшими в республиках Средней Азии, Закавказья и Северного Кавказа, Поволжья, регионов Урала, Сибири, Севера и Дальнего Востока.

Перспективы инновационного развития такого общества весьма проблематичны, но не безнадёжны. Усвоение постиндустриальных социальных ценностей и институтов в немалой степени зависит от уровня образованности населения, что считается косвенным признаком инновационного типа экономического роста. Отечественный образовательный уровень выглядит весьма оптимистично: Россия входит в двадцатку самых «студенческих» стран. Однако *формальный* уровень

образованности перекрывается *общинной ментальностью* и ярко выраженными *аграрными наклонностями городских жителей* России. Поэтому, несмотря на высокий адаптационный потенциал формально образованного населения, институты постиндустриальной экономики им воспринимаются как чужеродные, из чего следует вывод о *некомплементарности качества образования провозглашенному переходу России к инновационному обществу.*

Несмотря на это, мы должны ориентироваться на высшие цивилизационные стандарты, т.е. на стандарты информационной цивилизации западно-европейского типа.

Мы различаем две модели информационной цивилизации: американскую и европейскую. Водораздел между ними нам видится в расстановке акцентов в понятии «социально-экономические ориентиры».

Поскольку в США основное внимание уделяется чисто экономическим показателям (а основой современной мировой экономики продолжает оставаться крупномасштабное массовое производство), постольку ориентиром американской экономики остаётся создание стандартизированных технологий и продуктов. Поэтому постиндустриальная экономика США как бы срослась с индустриальной идеологией.

Западно-европейская традиция рассматривает экономическое развитие через социальную призму, вследствие чего новейшие технологии используются, в первую очередь, для производства высококачественных индивидуализированных благ. Поэтому питательной почвой постиндустриальной экономики Европы является отказ от индустриальной идеологии с её смитианской мотивацией и выделением материальных ценностей в качестве приоритетных в пользу развитие «человеческого капитала» (мы согласны с А.В. Бузгалиным и А.И. Колгановым [1], что «человеческий капитал», как и разновидности новых «капиталов» — социального, природного, культурного и пр., — по своему содержанию являются не капиталом как таковым, а симулякрами капитала, свидетельствующими

о зарождении в рамках позднего капитализма новых общественных отношений, выходящих за рамки «классического» капитализма; поэтому закавычиваем эти термины). *Мы считаем европейскую модель более адекватной постиндустриальным трансформациям, а, соответственно, и более перспективной.*

На первый взгляд может показаться, что самый простой и быстрый путь – провокация культурного взрыва заданной направленности, вызывающего расщепление культурного ядра и смену культурно-исторической парадигмы. Однако исторический опыт свидетельствует о том, что «взрывные» смены культурных механизмов в России сопровождались Смутным временем, «бунташностью», кровавыми революциями и войнами. «Лучшие и прочнейшие изменения, – писал А.С. Пушкин, – суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких насильственных потрясений». Поэтому насущнейшей задачей реформирования российского государства и общества становится мощное развитие национально-исторического самосознания на основе усиления процессов выработки и обращения всех видов социально значимой информации. Только этот путь способен обеспечить радикальные изменения в ядре нашей культуры без опустошительных последствий, необходимые для «запуска» механизмов инновационного переустройства общества.

Библиографический список:

1. Бузгалин А., Колганов А. Украденное знание (к вопросу о неоклассических заимствованиях из классической политэкономии) // Российский экономический журнал. 2016. № 4. – С. 69-77.
2. Гачев Г. Ментальности народов мира. – М.: Изд-во Эксмо, 2008. – 544 с.
3. Гизатуллина Г.А. Цивилизационные императивы казахстанской государственной идентичности // История и современность. 2015. № 2. – С. 119–131.
4. Кондаков И.В. Культурология: история культуры России. – М.: ИКФ Омега-Л, Высш. шк., 2003. – 616 с.

5. Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб., 2002. – 768 с.
6. Песков Д.Н. Интернет-пространство: состояние преמודерна? // Полис. 2003. № 5.

©Родина Г.А., 2017